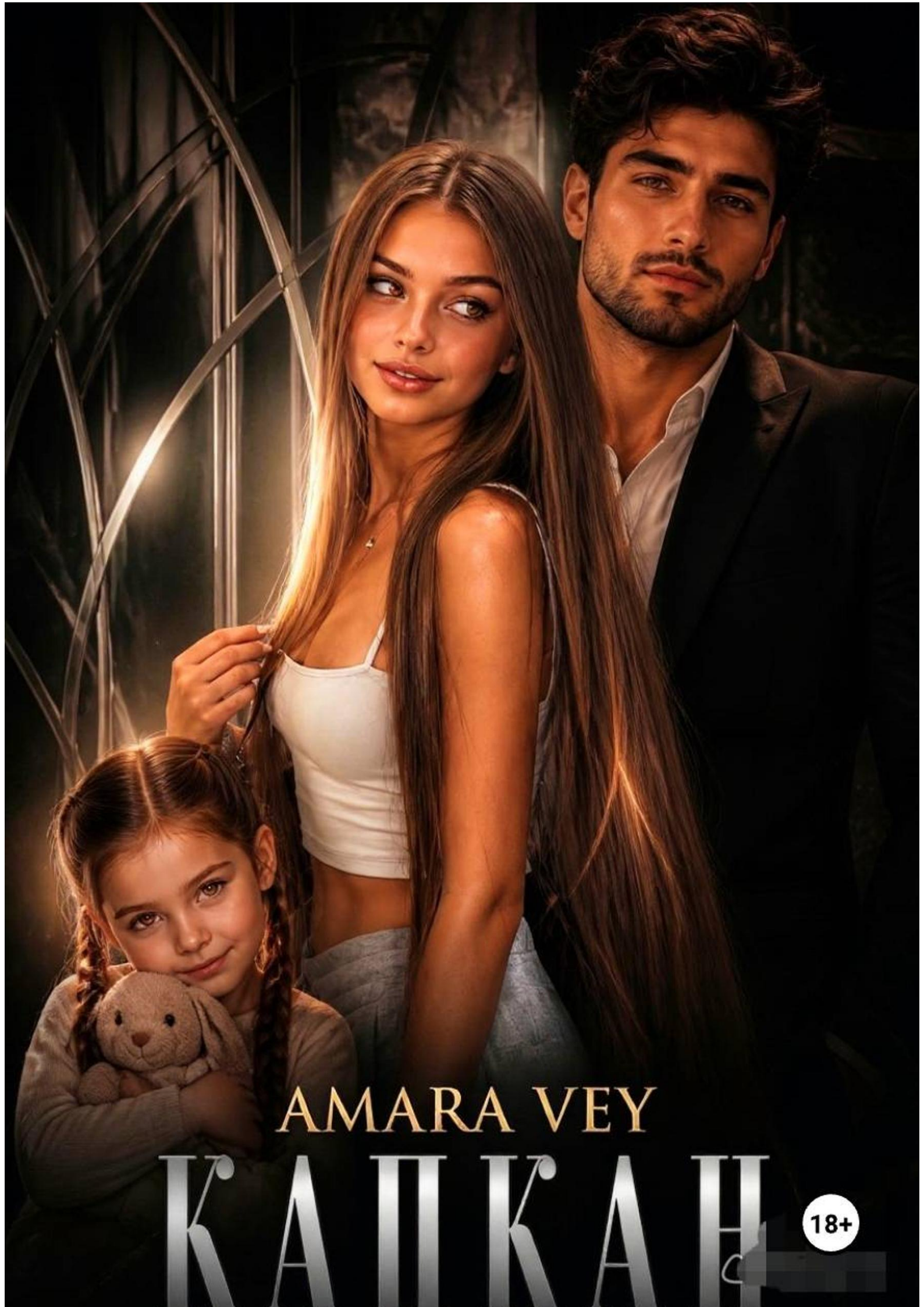

AMARA VEY

KALKA

18+

Amara Vey

Капкан. Роскошь чувствовать

«Автор»

2026

Vey A.

Капкан. Роскошь чувствовать / А. Vey — «Автор», 2026

КАПКАН. Западня ощущений. Ей тридцать. Дочь с диагнозом, муж, который любит другую, кредит, от которого тошнит по утрам, и город, из которого мечтала сбежать — но вернулась, потому что некуда. Она давно забыла, каково это — стоять в полный рост. У него всё: деньги, контракты, женщины, которые всегда говорят «да». Он привык, что мир создан для него, а остальные — декорации. В октябре, в парке, на облупленной лавочке он предложил ей «эксперимент по перемене внешнего облика». Она ответила «нет» — и впервые за тридцать лет послала не себя, а того, кто решил, что ей нужен другой. Контракт, швейцарские хирурги, школа моделей, Москва, суд — и мужчина, который впервые не понимает, что происходит. Потому что это нельзя купить. История о роскоши — не той, что считается бриллиантами, а той, что измеряется возможностью смотреть в зеркало и не отводить взгляд. Сказать «нет» — и не сломаться. Чувствовать. Капкан захлопнулся. Вопрос — чей.

© Vey A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Капкан. Роскошь чувствовать

Глава 1

К чёрту.

Очередной дурдом закончился. Время на телефоне — ровно четыре. Я вышла из салона, и тёплый октябрьский воздух Новороссийска ласково коснулся лица, будто пытаюсь стереть липкое напряжение последних часов. Над городом висело низкое, уже осеннее солнце — неяркое, но настойчивое, оно золотило верхушки платанов вдоль тротуара и отбрасывало длинные тени на серый асфальт.

Иду на остановку. День сегодня неожиданно солнечный, тёплый, даже ласковый — для октября это почти подарок. Хотя, если честно, я всё ещё не привыкла к этой обстановке. Уже три с половиной месяца, как я на новом месте, а всё равно будто во сне — будто смотрю на эту жизнь со стороны, через мутное стекло, и никак не могу протереть его.

Если бы мне ещё три с половиной месяца назад сказали, что я никогда не выберусь из той клетки, в которую сама себя посадила, — я бы, наверное, не поверила. Или поверила бы и просто опустила руки.

С этими мыслями я села в маршрутку. Повезло: в это время людей обычно мало. Можно прижаться лбом к холодному стеклу и смотреть, как мелькают за окном знакомые улицы — павильоны, ларьки с шаурмой, обшарпанные пятиэтажки, редкие клумбы с пожухлой геранью. Новороссийск в это время года ещё держится за лето, но уже чувствуется, что оно уходит: в воздухе — едва уловимая прохлада, в небе — первые стайки птиц, тянущих на юг.

Вышла на своей остановке и пошла в парк. Это уже привычный маршрут, почти ритуал. Парк небольшой, но ухоженный: ровные дорожки, подстриженные кусты самшита, пара клумб с поздними хризантемами — жёлтыми и бордовыми, будто кто-то специально подобрал цвета под осень. В дальнем углу — старый фонтан, давно не работающий, но уютный, с каменным бортиком, на котором любят сидеть голуби.

Сажусь на свою лавочку — чуть покосившуюся, с облупленной зелёной краской, но привычную. Следующие полтора часа ничего не делаю. Просто сижу и жду, когда придёт время забирать дочку из садика. Идти домой, а потом возвращаться — лишние траты на проезд, а денег у меня сейчас, к сожалению, очень мало. Каждый рубль на счету отмерен, каждая покупка просчитана.

* * *

Я столько читала книг, смотрела фильмов, разных передач о том, как полюбить себя. Все эти психологи со своими советами: «посмотри в зеркало и скажи себе что-то хорошее», «полюби своё тело», «прими себя». Какая же это чушь. Если ты уже нафантазировала себе идеальный образ — стройную, уверенную, с горящими глазами, — и он засел в голове, как заноза, то никакие упражнения перед зеркалом не помогут. Пока ты не похожа на этот придуманный идеал, всё бесполезно. Тем более если рядом есть люди, которые всегда готовы напомнить, что ты выглядишь недостаточно хорошо, недостаточно опрятно, недостаточно... просто недостаточно.

Да, это про меня.

Вот исполнилось мне тридцать. В августе задула свечи на торте, который пекла сама себе, с дочкой на кухне у сестры. Тридцать. Цифра, которая прежде казалась порогом взрослой, серьёзной, устроенной жизни. Мир будто остановился в тот миг. А когда очнулась — прошло столько лет. Дочке — пять. Мне — тридцать. Я должна была к этому возрасту достигнуть какой-то высоты, вырваться из маленького городка, построить карьеру, жить так, чтобы каждый день был приключением, а не выживанием.

Вместо этого я вернулась туда, откуда так мечтала сбежать. Как вышло — сама не знаю. Встретила мужа, потом появилась дочка, и мир действительно будто замер. Время текло мимо, а я стояла на месте, как в том фонтане в парке — без воды, без движения, просто камень.

Что случилось с профессией? Да ничего. Просто жизнь взяла и переписала все планы.

Наверное, стоит начать с того, что я была наивной. Не глупой — наивной. Верила, что любовь всё исправит, что достаточно стараться, быть хорошей, делать всё правильно, и тогда всё наладится. Что если любить человека достаточно сильно, он однажды полюбит тебя в ответ.

У меня не было друзей — были змеи. И я поняла это слишком поздно. Те, кого я считала близкими, оказались людьми, которые рядом только пока тебе плохо — чтобы позлорадствовать, от этого им становилось легче наверное. А когда тебе хоть чуть-чуть лучше — исчезают, не нравилось наверное, что кому то может быть лучше чем им, вот и полезали грязью за спиной.

Но спасибо хотя бы за то, что встретила мужа. Хотя даже тут всё оказалось сложнее.

Он с самого начала не скрывал, что всё ещё любит свою бывшую жену. Она от него ушла, а он так и не смог её отпустить. А я — влюблённая дурочка — думала: «Ну ему нужно время. Вот пройдёт месяц, другой, и всё изменится». Но время шло, а ничего не менялось. В наших отношениях я всегда была недостаточно хороша. Делала что-то не так. Говорила не то. Выглядела не так. Надеяться было не на кого.

В какой-то момент всё просто перешло черту. Очередная ссора — из тех, что начинаются с пустяка и заканчиваются выбитой дверью и тишиной, которая тяжелее любого крика. Нервы на пределе. И я, в дурости, в отчаянии, открыла банковское приложение и взяла онлайн-кредит. Огромный. Пугающий. От одной мысли о котором потом становилось дурно. Купила билеты к сестре в новороссийск. И сообщила мужу только перед самым отъездом, потому что просто поехать вместе с ребёнком не отпустил бы, хотя кого я обманываю, ему все равно было бы, это я жила своими надеждами, не отпускает, но он и не держал никогда, сама себе выдумала все, от правды так горько...

Он, естественно, стал задавать вопросы.

— Куда ты собралась? — спросил он, глядя на меня с тем самым выражением, которое я уже научилась читать: смесь раздражения и безразличия. — С ребёнком?

— Я просто устала, — ответила я, не поднимая глаз. — Хочу отдохнуть. Несколько дней.

— Отдохнуть, — повторил он, и в этом слове было столько яда, что хватило бы на весь наш брак. — Конечно.

Это ведь даже не было совсем неправдой. Я давно просила куда-то съездить — хоть на weekend, хоть в соседний город, хоть куда. У него всегда не было на это времени. Точнее, не было желания. Желание у него было только на одно — чтобы я сидела дома, варила борщи и не лезла с разговорами.

Так я уехала. И не вернулась.

Уже три с половиной месяца живу у сестры. Если бы сказала правду раньше — он бы не отпустил. И уж точно не отдал бы дочку. А у меня, как выяснилось, в жизни не было ничего. Ни работы, ни денег, ни своего угла — только ребёнок и долг, который давил, как бетонная плита.

Но я хочу всё исправить. Хочу начать. Просто пока не знаю — как.

* * *

Сижу в парке, смотрю, как солнце ложится золотыми пятнами на дорожки, как ветер шевелит последнюю листву на платанах. Парк ухоженный, тихий, и мне это очень нравится — здесь можно спрятаться от всего мира, стать невидимой, раствориться.

И вдруг вижу их.

Женщина — лет тридцать пять, не больше. Короткая стрижка, тёмные волосы уложены идеально, каждая прядь на своём месте, будто только что из салона. На ней — яркий красный костюм: смелый, дерзкий, притягивающий взгляд. Тонкая ткань, безупречный крой — видно, что вещь дорогая, из тех, что не покупают на распродаже. Аккуратные лодочки на невысоком

каблуке, уверенная осанка, лёгкий, почти незаметный макияж. Сразу видно: женщина много вкладывает в свой образ — и это работает. Она выглядит так, будто знает себе цену до последней копейки.

Она о чём-то говорит с мужчиной. Я не слышу слов, но по интонации чувствуется напряжение — спор, причём довольно эмоциональный. Мужчина — высокий, в тёмном пальто, с безупречной осанкой. Лицо красивое, жёсткое, с точёными скулами и тяжёлой челюстью. Волосы тёмные, коротко стриженные. Внешность из тех, что притягивают взгляд — и тут же заставляют отвести глаза, потому что в этом лице нет тепла, только уверенность. Уверенность человека, который привык, что мир подстраивается под него, а не наоборот.

Я просто сижу, стараясь стать незаметной. Обычно такие люди даже не замечают тех, кто не вписывается в их картинку мира.

Но в какой-то момент мужчина оборачивается. Смотрит прямо на меня — и я чувствую этот взгляд кожей, как сквозняк. Потом подходит. Бесцеремонно, будто имеет на это право.

— Девушка, — говорит он, и голос у него низкий, ровный, бархатный, с лёгкой хрипотцой. — Не хотите поучаствовать в эксперименте?

Я вздрагиваю, будто меня выдернули из собственных мыслей.

— Простите, не поняла... — отвечаю тихо, почти шёпотом.

— Эксперимент по смене внешности, — повторяет он, и в уголке его губ появляется тень улыбки — не тёплой, а снисходительной. — Вам это точно не помешает.

Его слова ударяют, как пощёчина. Внутри всё сжимается. «Самодовольный индюк», — мелькает в голове. Он что, сейчас меня открыто оскорбляет? С другой стороны... разве он не прав? Давно уже нет смысла натягивать на себя красивые вещи — только портить. Крысиный хвостик сзади, собранный наспех резинкой. Лицо чуть опухшее от недосыпа и слёз, которые я давно научилась прятать. Под глазами — тени, которые не скроешь даже консилером, если он есть. А у меня его нет.

Может, местами я и правда выгляжу так, что «смена внешности» — самое мягкое, что можно предложить. Но говорить такое любому человеку — грубо. Жестоко. Бессердечно.

Говорить такое — зачем? С какой стати? В этот момент в голове царит отчаяние: огромный кредит, безысходность, ощущение, что всё полетело прахом. Ведь план был простой — наивный, как и всё, что я делала. Думала: вот приеду к сестре, быстро найду работу, сниму отдельное жильё, потом возьму ипотеку — и у нас с дочкой появится свой дом. Всё. Конец сказки.

Но всё пошло не по плану.

Часть денег я заняла одной знакомой. Раньше, когда работала, я давала ей в долг — и она всегда возвращала. Но тут у неё появился новый муж, и вместе с ним — проблемы. Она вышла на работу в нашем маленьком городке, несмотря на маленького ребёнка, и стала по частям отдавать деньги. А эти части мне приходилось пускать на платёж по кредиту. Потому что работы долго не было совсем.

Сейчас, конечно, появилось — даже три. Зарплата чуть-чуть от клиентов. Чуть-чуть — в салоне МТС, работаю агентом хрен-пойми-чего: подключение, консультации, продажа. Чуть-чуть — в клинике, выхожу в качестве медсестры. В красивом костюме — почему бы и нет.

Хотя, если честно, эти двое — мужчина в пальто и женщина в красном — выделяются. Нет, я, конечно, часто вижу вокруг красиво одетых людей, ухоженных, уверенных. Но эти двое — как будто из другого мира. Как будто на этой скамейке, в этом маленьком парке Новороссийска, случайно открылась дверь в параллельную реальность, где люди живут иначе.

И меня это бесит. Нереально бесит.

В мыслях несётся столько всего негатива, что я не успеваю за ними. Слишком, наверное, уже убитая. Или слишком привыкла, что всегда молчала. Что скажешь серьёзно? Вот эта жен-

щина, которая стоит за его спиной, — она что, лучше меня? Почему он решил, что имеет право подходить к незнакомому человеку и говорить такое?

— Я предлагаю вам следующее, — продолжает он, и его голос звучит так, будто он читает условия договора. — Виктория, — он кивает в сторону женщины в красном, — у нас с ней возник спор. Если её работа меня устроит — я проиграю. Если нет — значит, нет.

Он делает паузу и смотрит на меня сверху вниз.

— Ну что, скажете да?

Напыщенный. Идёт понятное дело — с его стороны — для таких, как они. А я, наверное, даже не молекула. Что-то ещё меньше, микроскопическое, из тех, что бывают только под микроскопом.

Но сказать почему-то не могу. Смотрю на него и тихо отвечаю:

— Нет.

Он чуть приподнимает бровь.

— Нет?

— Нет, — повторяю. Состояние настолько убитое, что нет сил даже спорить. Хотя внутри — негодование, которое жжёт, как кислота. Ну и что? Ну и что, да, некрасивая, да, растолстела, да, выгляжу плохо. А тебе-то что? Кто тебе дал такое право — стоять и говорить мне подобное? Как люди вообще могут что-то говорить по поводу чужой внешности? Хочется расплакаться. Но слёз нет — как будто все уже выплаканы. Вместо этого я просто повторяю:

— Я же сказала — нет.

И тут его лицо меняется. Что-то жёсткое, хищное проступает в чертах, и он произносит медленно, чеканя каждое слово:

— Вы серьёзно? Я предлагаю вам шанс изменить вашу никчёмную внешность, никчёмную жизнь — а вы не хотите воспользоваться?

Никчёмную. Он сказал «никчёмную». Дважды.

И в этот момент — не знаю, что случилось. Какой-то зверь вышел из меня наружу. Все тридцать лет, вся подавленная ярость, все проглоченные обиды, все «молчи, так лучше», все «не спорь, не стоит» — всё это разом оторвалось от цепи и бросилось на этого мужчину, как бешеная собака.

Я начала говорить то, что раньше никогда бы не осмелилась. Даже знакомым. А тут — чужому человеку, который явно выше меня по статусу, и который, судя по всему, представляет из себя что-то серьёзное. В отличие от меня.

Но меня уже несло.

— Знаете, — сказала я, и голос мой звучал спокойно, даже тихо, без дрожи, без надрыва, — это исключительно ваша проблема, что вы заиклены на внешности. Меня моя внешность устраивает. Если она не примечательна для вас — если она вам не нравится — это ваша проблема, а не моя.

Мои слова звучали спокойно. Даже голос не дрогнул. Как ни странно — в жизни я так никогда не разговаривала. Наверное, уже дошла до точки кипения, и вместо крика пришла эта ледяная, монотонная ясность. Слова лились ровно, спокойно, так, словно ничего не произошло.

И с каждым моим словом его глаза менялись. Сначала — удивление. Потом — что-то тёмное, тяжёлое. Кадык дёрнулся, жевалки сжались. А лицо женщины — лица её надо было увидеть — глаза становились всё больше, круглее, и она просто замерла, прижав ладонь к губам.

Я понимала, что каждая следующая моя фраза может оборвать и без того никчёмную мою жизнь. Но с другой стороны — что мне терять? У меня и так ничего нет. Ни-че-го. И ничего не получается. И вот этот стоит тут и высказывает мне, что я, видите ли, такая вся плохая. Ему, видите ли, не нравится.

Да пошёл он к чёрту.
Мужчина побагровел.

— Что? Простите? — переспросил он.

— У вас, возможно, проблема со слухом, — сказала я. — Может, вы лучше себе можете, вместо того чтобы предлагать помощь другим?

Пауза. Он смотрит на меня, не мигая.

— Вы можете идти туда, откуда пришли, — продолжила я. — Ваше предложение мне не интересно.

Его челюсть сжалась так, что проступили желваки.

— Ты вообще знаешь, с кем ты сейчас говоришь? — процедил он, и голос его стал тише, но от этого — опаснее. — Ты хоть отдаёшь себе отчёт? Ты разве не видишь, какая между нами разница?

— Между нами великая разница, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — У меня, как минимум, есть манеры. А значит, и воспитание.

Женщина в красном костюме издала звук — что-то между вдохом и писком.

Мужчина уставился на меня так, будто перед ним внезапно появилось нечто, чего не должно существовать. Потом он начал посмеиваться — нервно, зло, едва заметно.

— Ты серьёзно? — повторил он. — Ты кто такая? Чем ты занимаешься? Ты думаешь, будто можешь так общаться со мной?

Я так же спокойно продолжила:

— Не понимаю, о чём речь. Разве мы просто не пообщались на тему вашего предложения? Вы спросили, я ответила. Что-то не так?

— Что-то не так?! — он уже почти терял контроль. — Да ты серьёзно?.. Ну и к чёрту!

Он развернулся и пошёл прочь, начиная что-то кричать. Не громко, но слышно. Женщина заторопилась за ним, бледная, ошарашенная, на ходу поправляя сумочку. Она явно не ожидала такого.

Я и сама не ожидала от себя такого ответа. Впервые, наверное, за все тридцать лет — возразила человеку. Не мужу, не знакомой, не сестре — постороннему, явно богатому, явно опасному. И не просто возразила — послала.

И знаете что? Это даже здорово. Мне понравилось.

* * *

Прошло время. Я забрала дочку из садика — она бежала ко мне по дорожке, маленькая, вихрастая, с рюкзачком за спиной, и я на секунду забыла обо всём. Пришли в нашу съёмную однушку — тесную, но чистую. Сестра ещё не вернулась. Я начала готовить ужин, а в голове — всё ещё тот парк, та ссора, тот мужчина.

И думала: вот ведь, даже проходящие люди считают, что могут спокойно что-то сказать мне. Вслух. В лицо. А может, я зря так? Может, стоило проглотить гордость — эти принципы, которые ни к чему не ведут, — и согласиться? Может, хоть что-то изменилось бы?

Но нет. Не настолько дача. Я не прошу меня на парад выводить. Но и этот — кто такой, чтобы так со мной разговаривать? Мало ли, что ему там не нравится.

Вечер прошёл как обычно. Сестра вернулась с работы, поужинали, включили телевизор. Потом — сон, который никак не шёл. Я вообще последнее время плохо сплю: то засыпаю и просыпаюсь посреди ночи, то вовсе не могу уснуть, лежу и смотрю в потолок, считая трещины.

* * *

На следующий день — всё как обычно. Отвела дочку в садик и пошла на работу. В салоне МТС — déjà vu: консультации, подключения, объяснения. Уже привычная рутина, даже мне кажется, что-то начинает получаться. Не так много сделок, но клиенты идут, и я, кажется, перестала путаться в тарифах.

Стою у стойки, объясняю клиенту правила использования нового оборудования, которое он только что приобрёл, — и не замечаю, что за мной наблюдают.

Поворачиваю голову — и сердце уходит в пятки.

Та самая женщина. Виктория. В красном костюме — нет, сегодня в чёрном, строгом, но таком же безупречном. Она стоит в конце зала и смотрит на меня. Зачем она здесь?

Мне даже стало стыдно — немножко неприятно. Но тем не менее: что, если она пожаловалась? Что, если меня сейчас уволят? А я не могу. Мне нужна эта работа. У меня — кредит, садик, дочка.

Она стоит. Смотрит. Потом медленно подходит. Благо в салоне много народу, остальные сотрудники заняты своими делами. Подходит — и говорит:

— Ну, здравствуйте, Алина.

Внутри всё обрывается. Она знает моё имя. А значит — уже знает обо мне. Кто я, где работаю, как живу. Наверное, и про кредит знает. И про мужа.

— Не пугайтесь, — добавляет она, видя моё лицо. — Я пришла не за этим. Давайте немножко познакомимся. Мы не с того начали наше знакомство, поэтому позвольте представиться. Меня зовут Виктория. У меня — свой салон красоты. Несколько салонов, если точнее. А также сеть ювелирных украшений и магазинов одежды.

Она делает паузу, смотрит на меня спокойно, без того напряжения, что было вчера.

— Я пришла к вам вот почему. Вчера Ростислав Дмитриевич проявил немножко несдержанность. На самом деле он и вправду хотел помочь. Не то чтобы мы как-то увидели вас и решили, что с вами что-то плохо. Просто... извините за это. И, может, у вас найдётся минутка выслушать моё предложение?

— Как видите, я сейчас занята работой, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — В ближайшее время не смогу.

— Это займёт всего пару минут, — говорит она мягко. — Просто выслушайте меня, а дальше решайте сами.

И она рассказала.

Предложение было из тех, что не встречаются в реальной жизни. Даже в книгах — и то не читаю про такое. Виктория и Ростислав Дмитриевич поспорили: она утверждала, что из кого угодно может превратить красотку «на миллион». Он не верил. И я — по случайному совпадению — попала им на глаза в парке.

Конечно, это позабавило. Я сказала:

— Вам стоит смириться. Здесь ничем не поможете.

Однако дальше она предложила обсудить условия. Ей удалось меня заинтриговать. А почему нет? В любом случае — хоть извинятся, думала я.

* * *

Место встречи — офис. Огромный, красивый, в новом бизнес-центре на улице Рубанова. Стекло, мрамор, запах дорогого парфюма в воздухе. Меня проводили охранники — два молодых человека в чёрных костюмах, с рациями — в нужный кабинет. Я зашла, и первое, что увидела, — не самое приятное.

Ростислав Дмитриевич.

Он сидел за столом — широким, тёмным, полированным, словно зеркало. В кабинете — панорамные окна с видом на город, на цементный завод вдалеке, на порт с кораблями. Он говорил по телефону и улыбался. Улыбка повелителя — знаете такую? Когда человек знает, что ты пришёл, и доволен этим, потому что это лишний раз подтверждает: он прав, а ты — нет.

Ну да, пришла. Кто откажется на моём положении? Заработать деньги — нужно. А тут, по сути, предлагают платить за то, что тебя в красотку превратят. Где ещё такое найдёшь?

Но выслушать — стоит. В процессе разговора, скажем так, у нас с ним не сложилось дружелюбное общение. Его манера меня бесила: этот тон, это «я решаю, ты подчиняешься», эта уверенность, что мир создан для него, а все остальные — декорации.

Виктория сидела в углу и наблюдала. В какой-то момент — уже в ужасе.

А я... Я уже не знаю, как разговор так вышел. Меня выбесила фраза, которую он сказал — между делом, как будто говорил о погоде:

— Я могу вылечить вашу дочь.

Эти слова ударили точно в самое болезненное место. Я даже не сразу поняла, что он имеет в виду. А потом поняла — и внутри всё оборвалось.

Он знал. Знал про диагноз. Про то, что врачи называли его неизлечимым. Про то, как мы с дочкой уже прошли столько клиник, столько анализов, столько «сожалею, но мы ничего не можем сделать». Про то, как я ночами сидела у её кровати, когда у неё поднималась температура, и молилась, чтобы утро наступило.

И вот он, этот человек с улыбкой повелителя, говорит это так легко, будто речь о простуде.

— Вы не можете этого знать, — ответила я, и голос мой дрогнул, но я тут же его выровняла. — Ни один врач мне этого не обещал. Ни один не давал гарантий.

— Я не врач, — сказал он спокойно, чуть наклонив голову, будто объяснял что-то очевидное ребёнку. — И именно поэтому могу. У меня есть доступ к специалистам, к технологиям, к возможностям, которых у обычных клиник нет. В Швейцарии — лучшие неврологи, иммунологи, генетики. Если есть хоть один шанс из тысячи — я его использую.

Я смотрела на него и не знала, верить или ненавидеть. Ненавидеть хотелось сильнее. Но где-то внутри, в самой глубине, уже шевелился крошечный, осторожный огонёк надежды — тот, который я столько раз давила, потому что он слишком больно обжигал.

— Допустим, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Допустим, вы можете. Что взамен?

Ростислав Дмитриевич чуть приподнял бровь, будто ждал этого вопроса.

— Шесть месяцев, — произнёс он. — Шесть месяцев под нашим контролем. За это время Виктория полностью преобразит вашу внешность — причём полностью: стилисты, косметологи, пластическая хирургия, всё, что потребуется. Параллельно мы займёмся здоровьем вашей дочери — те самые швейцарские специалисты, клиника, обследование, лечение. Всё входит в условия.

— А если я откажусь?

— Тогда ничего не изменится, — ответил он просто. — Кредит останется. Диагноз останется. Жизнь останется такой, какая есть.

Виктория наблюдала за мной, сложив руки на коленях. В её глазах не было ни жалости, ни давления — только терпеливое ожидание.

— Это не всё, — продолжил он. — Взамен вы получаете квартиру в собственность. Мы едем в Швейцарию — вы, ваша дочь. Сначала дочь пройдёт обследование и начало лечения, после чего её заберёт ваша сестра — в Новороссийск, на время. А вы останетесь — на процедуры, на реабилитацию, на всё, что понадобится.

— И за это я должна... — я замолчала, не в силах произнести.

— Через шесть месяцев, — сказал он, и голос его стал чуть тише, — вы проведёте со мной ночь.

Тишина. В кабинете — абсолютная тишина. Только где-то за панорамным окном глухо шумит город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.